

ШЕВАЛЬЕ РАМСЕЙ И НОВОЕ МАСОНСТВО

Шотландский баронет Андре Мишель Рамсей¹ (1686 – 1743) занимает чрезвычайно важное место в истории масонства. Он был одной из тех ключевых фигур, благодаря которым в развивавшееся масонское движение проникли так называемые «высокие степени» посвящения, или «шотландское масонство»². Личность его примечательна еще и тем, что в ней концентрировались сразу несколько идеологических потоков тогдашнего времени: помимо собственно масонства, это и католическая квиетистская линия епископа Фенелона и мадам Гийон; политические течения, концентрировавшиеся вокруг изгнанной английской династии Стюартов; а также набравшие ход ностальгические воспоминания о «славном прошлом» европейского рыцарства. Для того чтобы лучше понять роль, которую сыграл Рамсей в масонской истории, представляется существенным хотя бы в общих словах очертить само положение масонства в ту эпоху.

Как известно, масонство прошло достаточно долгий путь развития, прежде чем приняло современные формы. Возникшая в среде средневековых английских каменотесов организация, основанная на взаимопомощи, со временем впитала в себя идеи, которые далеко увели ее от первоначальных образцов. В масонские ложи стали вступать аристократы, которые, не вытесняя до поры до времени профессиональных каменщиков и восприняв господствовавший в этой среде дух равенства, превратили прежнее «оперативное» масонство в «умозрительное». В 1717 г. в церкви св. Иоанна Летнего³ произошло очень важное событие в истории европейских эзотерических движений: образовалась Великая ложа, первая в мире масонская организация нового типа, с четко определенными должностями, степенями, разработанными ритуалами и символикой, а также легендарной историей. Член этой ложи Джеймс Андерсон спустя несколько лет составил так называемую «Книгу масонских конституций». В этом знаменательном документе сообщалось, что масонство является достаточно древним и очень значимым «искусством», что им владели уже первые люди – Адам и Ева, и что оно передавалось из поколения в поколение выдающимися личностями своего времени. Если верить Андерсону, почти все заметные ветхозаветные герои, равно как персонажи греческой философии и науки, Гермес Трисмегист и Иисус Христос, были в той или иной степени знакомы с эзотерическим смыслом этого искусства, который в целом сводился к необходимости духовного совершенствования, построения некоего «внутреннего храма» в сердце практикующего – с помощью его собратьев. Изначально Великая ложа Англии не была централизованной организацией, допуская право других лож на самостоятельное существование. Впрочем, даже если бы она и хотела ограничить эту

самостоятельность, политическая ситуация в Европе к этому объективно не располагала. Великая ложа была только первой среди равных, авторитетной и образцовой, но не единственной организацией. В среде масонских лож, как в среде самих масонов внутри ложи, царил дух братства и товарищества, поэтому никто не мог претендовать на какую-либо исключительность.

Пережив войну за испанское наследство, Англия вышла из этого политического кризиса окрепшей, что позволило ей впоследствии, в течение всего XVIII в., непрерывно наращивать свое могущество в политике и экономике. С начала XVIII в. в стране установилась долгожданная стабильность, наложившая отпечаток и на представление о совершенных личностях, живущих в сильной, могущественной державе. Не случаен идеал масона, обрисованный Андерсоном: это добропорядочный гражданин, уважающий законы своей страны, лояльный к государственной власти, честный человек, верный семьянин, набожный христианин и пр. На этом фоне познание каких-то особых «тайн природы», с чем впоследствии стали ассоциироваться вольные каменщики, находилось на заднем плане, если вообще имело место. Английские масоны времен Андерсона в большей степени были ориентированы на идею коллективного нравственного совершенствования, чем на углубленное постижение окружающего мира: последним должны были заниматься ученые-естественники. Можно сказать, что масонство мыслило себя как некая практическая «гуманитарная наука», изучающая (и созидаящая) человека во имя самого человека.

Появление новых взглядов, впоследствии принявших характер настоящей эпидемии, было обусловлено рядом моментов. Прежде всего, эти взгляды появились не в Англии, а во Франции. Во-вторых, они были связаны с кругом лиц, не слишком симпатизировавшим правящей в Англии Ганноверской династии. Выразителем этих настроений стал шевалье Рамсей – человек «темный и загадочный», по единодушному мнению масонских историков.

Андре Мишель Рамсей родился в городе Эйр, Шотландия, 9 июня 1686 года⁴. По одним сведениям, он был сыном булочника, по другим – сыном знатного аристократа. Отец его придерживался кальвинистских воззрений, мать же исповедовала англиканство. Возможно, эта атмосфера домашнего религиозного синкретизма и обусловила ту легкость, с которой Рамсей впоследствии переходил от одной системы взглядов к другой.⁵ Первоначальное образование он получил в своем родном городе, затем изучал теологию в университетах Глазго и Эдинбурга. В 1707 г. получил степень магистра искусств. В 1709 г. он принял участие в войне за испанское наследство и примкнул к англо-австрийской армии герцога Мальборо, которая тогда действовала во Фландрии. Впрочем, Рамсей провел в ней немного времени: уже в следующем году, побуждаемый

религиозными стремлениями, он покинул расположение армии и прибыл во французский город Камбре, где в то время жил епископ Франсуа Фенелон – известный апологет христианского благочестия, лидер квиетистского направления. Под влиянием Фенелона Рамсей обратился в католичество. Он оставался в Камбре до самой смерти своего наставника (1715), стал наследником его архива, а позднее в знак своего глубокого уважения к нему написал и издал книгу «Жизнь Фенелона», которая пользовалась большим успехом. До конца своих дней Рамсей почитал Фенелона, и, как и тот, придерживался принципов религиозной толерантности⁶. В 1715 – 1717 гг. Рамсей жил в другом французском городе, Блуа, войдя в окружение еще одной известной христианской писательницы, мистически настроенной мадам Гийон.

К тому времени он уже получил известность как талантливый домашний воспитатель детей из знатных семейств; в частности, Рамсей пестовал отпрысков из родов Веми, Сассенаж, Шато-Тьерри. Все это позволяло ему заводить широкие знакомства среди представителей аристократии, извлекая из этого пользу для себя. Завоевав расположение регента, Филиппа Орлеанского, Рамсей стал членом квазирыцарского ордена св. Лазаря, руководителем которого тот являлся. Благодаря членству в этом ордене Рамсей получил право называться «шевалье Рамсей». По всей видимости, этому членству сам он придавал довольно большое значение. В 1724 г. по рекомендации друзей шотландский баронет отправился в Рим, где стал опекуном малолетних детей Иакова Эдуарда Стюарта, представителя изгнанной из Англии правящей династии. Впрочем, из-за возникших в доме Стюартов интриг Рамсей был вынужден покинуть свое место и вернуться в Париж, где продолжал работать воспитателем (так, он воспитывал сына герцога Буйонского), а также писать различные произведения, имевшие определенную популярность. По всей видимости, именно писательский успех Рамсея стал причиной того, что в 1729 г. он был избран членом Королевской академии наук в Лондоне. Несколькими месяцами раньше он стал также членом «Общества джентльменов» Спалдинга.

Неизвестно, когда именно Рамсей, в очередной раз трансформировавший свои воззрения, стал масоном. По всей видимости, он вступил в одну из масонских лож, находясь в конце 1720-х – начале 1730-х гг. в Лондоне – сердце тогдашнего масонства. Среди многочисленных знакомых и друзей Рамсея по Обществу джентльменов и Королевской академии было немало тех, кто к тому времени уже получил масонское посвящение. Можно предположить, что кто-нибудь из них увлек его поэтическое воображение модными в то время идеалами. Некоторые из этих друзей были членами ложи «Старый рог», куда мог вступить и сам Рамсей, однако проверить это утверждение уже невозможно⁷.

Основная масонская деятельность Рамсея развивалась в Париже. Как именно она развивалась, опять-таки не представляется возможным

проследить. По некоторым сведениям, он занимал пост вице-канцлера Великой ложи Франции к тому времени, когда стал известен во всем масонском мире своим ярким выступлением в марте 1737 г. Собственно, именно его «Речь» и стала тем импульсом, который создал «критическую массу» новой идеологии, обращенной к иным масонским настроениям, чем те, что были прежде. В силу важности этого выступления мы приводим его целиком по английскому изданию⁸.

Речь шевалье Рамсея

«Благородное рвение, которое побуждает вас, господа, вступать в благороднейший и преславный орден франкмасонов, есть очевидное доказательство, что вы уже обладаете всеми качествами, необходимыми для того, чтобы стать его членами – гуманностью, высокой нравственностью, умением хранить тайну и вкусом к изящным искусствам.

Ни Ликургу, ни Солону, ни Нуме, ни другим политическим законодателям не удалось сделать свои учреждения долговременными. Какими бы мудрыми ни были их законы, они не смогли стать вечными. Поскольку эти законы подразумевали победы и завоевания, военную агрессию, возвышение одного народа за счет другого, они не могли обладать универсальной властью, не могли стать приемлемыми для вкуса, духа и интересов всех наций. Филантропия не была их основанием. Патриотизм понимался неверно, он толкал к искажениям, часто вообще разрушая в этих военных республиках любовь и человечность. Люди отличали друг друга по несущественным признакам – выговору, одежде, землям, которыми они владели, регалиям, которыми их наделяли.

Но на самом деле весь мир – не что иное, как огромная республика, в которой каждая нация есть семья, а каждый индивид – ее дитя. Наше общество с самого своего основания стремилось возродить и распространить эти важные принципы, заложенные в природе человека. Наше желание – воссоединить всех людей, имеющих просвещенное сознание, утонченные манеры и проницательность, и воссоединить не столько посредством любви к изящным искусствам, сколько посредством великих принципов добродетели, науки и религии, с тем, чтобы интересы братства стали интересами всего человеческого рода; принципов, из которых все нации будут черпать полезное знание и благодаря которым подданные всех царств научатся помогать друг другу, не отказываясь от собственного государства. Наши предшественники, крестоносцы, собрались со всех концов христианского мира в святой земле, тем самым желая соединить в одно братство представителей всех наций. Чем только мы ни обязаны этим превосходным мужам, которые, не имея грубых эгоистических интересов, даже не помышляя о своем врожденном стремлении повелевать, изобрели учреждение, целью которого стало объединение умов и сердец, с тем, чтобы сделать их лучше, а также создание в последующие века духовной империи, в которой, не нарушая

всевозможных обязанностей, установленных различными государствами, будет создан новый народ – народ, состоящий из многих наций и в каком-то смысле скрепляющий их все в одно целое посредством добродетели и науки.

Вторая основа нашего общества – здоровая нравственность. Религиозные ордены учреждались для того, чтобы сделать христиан совершенными, военные ордены – чтобы внушить любовь к истинной славе, а орден франкмасонов – чтобы сделать людей отзывчивыми, добрыми гражданами, хорошими подданными, ответственными, верными поклонниками Бога любви, теми, кто больше любит добродетель, чем награду.

*Polliciti servare fidem, sanctumque vereri
Numen amicitiae, mores, non munera amare.*⁹

Тем не менее, мы не ограничиваем себя одними только гражданскими достоинствами. Наше Братство делится на три разряда: неофиты, или ученики; товарищи, или братья-профессионалы; и мастера, или совершенные братья. Первые изучают добродетели нравственные, вторые – доблестные; третьи – христианские. Тем самым наше учреждение охватывает всю философию чувства и полную теологию сердца. Вот почему один из наших достопочтенных братьев сказал:

*Славный великий мастер франкмасонов,
Прими мои первые восторги,
В сердце моем орден породил их,
Счастлив я, если благородные усилия
Заставляют меня заслужить твое уважение,
Возвышая меня к тончайшей,
Первозданной Истине,
К сущности чистой и божественной,
К небесному истоку души,
Источнику жизни и любви.*

Из-за того, что достойных людей отталкивает тяжелая, жестокая и человеконенавистническая философия, наши предки, крестоносцы, пожелали сделать ее привлекательной и сочетали ее с невинными удовольствиями, приятной музыкой, чистой игрой и умеренной веселостью. Наши празднества – это вовсе не то, что воображает себе профанный мир и о чем рассуждают вульгарные невежды. Здесь рассеиваются все пороки сердца и души, туда не имеют доступа неверие, распутство, недоверчивость и грубость. Наши праздничные трапезы подобны достойным *symposia*¹⁰ Горация, где предметом беседы становится только то, что способно просветить душу.

O noctes cenaеque Deum...

*Sermo oritur, non de regnis domibusve alienis
... sed quod magis ad nos
Pertinet, et nescire malum est, agitamus; utrumne
Divitiis hominess, an sint virtute beati;
Quidve ad amicitias usus rectumve trahat nos,
Et quae sit natura boni, summumque quid ejus¹¹.*

Таким образом, благодаря обязательствам, наложенным на вас орденом, вы защищаете собратьев своим авторитетом, просвещаете их своим знанием, наставляете их своими добродетелями, помогаете им в их нуждах, жертвуете любыми личными обидами и стараетесь превыше всего к тому, что укрепляет миролюбие и единство общества.

У нас есть тайны: это секретные знаки и сакральные слова, образующие особый язык; иногда он кажется бессловесным, иногда – чрезвычайно красноречивым. Мы используем этот язык, чтобы общаться друг с другом на далеких расстояниях, и узнавать своих собратьев, говорящих на любом наречии. Таковыми были и слова, которыми обменивались друг с другом крестоносцы, готовясь к неожиданным нападениям сарацин, часто подкрадывавшимся к ним с целью убийства. Эти знаки и слова напоминают какие-то термины нашей науки или некоторые нравственные достоинства, либо же некие таинства веры. То, что происходит у нас, никогда не случалось ни с одним прежним обществом. Наши ложи были устроены и развиты у всех цивилизованных народов, и все-таки из бесчисленного множества братьев никто и никогда не выдавал наших секретов. Даже самых простодушных, неосторожных и не привыкших к молчанию натур учит это великое искусство при их вступлении в наше общество. Такой уж властью над всеми натурами обладает идея братских уз! Эта крепко хранимая тайна властно соединяет представителей всех наций, делает передачу полезных сообщений легкой и взаимной. Много примеров тому мы находим в анналах нашего ордена. Едва лишь нашим братьям, путешествовавшим в тех или иных краях, требовалось получить какую-либо помощь от местных лож, как эта помощь немедленно им оказывалась, даже во времена самых кровавых войн, и благородные заключенные часто находили братьев там, где они ожидали встретить только врагов.

Знайте, господа, что если кто-то из братьев нарушит величественную клятву, связывающую всех нас, то мы наложим на него такие наказания, как угрызения совести, чувство стыда за свое предательство и изгнание из нашего общества, чему вторят прекрасные строки Горация –

*Est et fideli tuta silencio
Merces: vetabo qui Cereris sacrum
Vulgarit arcanum, sub iisdem
Sit trabibus, fragilemque mecum
Salvat phaselum...¹²*

Да, господа: знаменитые празднества Цереры в Элевсине, Икиды в Египте, Минервы в Афинах, Урании в Финикии и Дианы в Скифии связаны были с нашими празднествами. В тех местах справлялись мистерии, скрывавшие многие следы древней религии Ноя и патриархов. Они завершались трапезами и возлияниями, и не были ведомы их участникам ни невоздержанность, ни излишества, во что постепенно впали язычники. Источником этих непотребств стал допуск на ночные собрания персон обоого пола, что противоречило первоначальным нравам. Вот для того-то, чтобы предотвратить подобные изъязны, женщинам и запрещено вступать в наш орден. Мы не станем несправедливо полагать, будто представительницы прекрасного пола не способны хранить тайны. Но их присутствие может незаметно испортить чистоту наших принципов и манер.

Четвертое качество, требующееся в нашем ордене – это вкус к полезным наукам и свободным искусствам. Тем самым орден, оказывая покровительство, требует от каждого из нас использовать широту своих взглядов или трудолюбие для великой работы, для исполнения которой не хватит и целой академии, хотя бы потому, что подобные общества немногочисленны по своему составу, а значит, деятельность их членов не в состоянии объять целиком слишком крупный объект исследования. Все великие мастера Германии, Англии, Италии и других мест призывают всех ученых мужей и всех ремесленников братства объединиться и предоставить материалы «Универсальному словарю свободных искусств и полезных наук», за исключением только того, что относится к теологии и политике¹³.

Эта работа уже началась в Лондоне, и благодаря союзу наших братьев она может завершиться уже через несколько лет. В ней не только будут поясняться специальные термины и их этимология, но и излагаться история каждого вида искусства и каждой науки, их принципы и способы действий. Тем самым сведения обо всех народах будут объединены в одной книге, которая станет универсальным собранием всего прекрасного, великого, блестящего, основательного и полезного во всех науках и во всех благородных искусствах. Эта книга будет увеличиваться в размере из века в век, по мере возрастания знания, повсеместно распространяя стремление и вкус к красивым и полезным вещам.

Поэтому слово «франкмасон» не следует понимать в буквальном, грубом и материальном смысле, так, как если бы наши отцы-основатели были простыми каменотесами или же какими-то далекими от жизни гениями, желавшими усовершенствовать искусство. Среди них были не только искусные архитекторы, посвящавшие свой талант и благосостояние сооружению материальных храмов, но также священники и воины-аристократы, которые старались просвещать, наставлять и отстаивать живые храмы Высшего порядка. Я покажу это далее, описав историю или, скорее, восстановление нашего ордена.

Каждая семья, каждая республика, каждая империя, истоки которой теряются в потемках прошлого, имеет свои были и небылицы, легенды и истории. Одни возводят основание нашего ордена к Солону, другие – к Моисею, третьи – к Аврааму, четвертые – к Ною, пятые – к Еноху, который построил первый город, а шестые – даже к самому Адаму. Не имея намерения опровергать эти мнения, я обращусь к вопросам не столь древним. Это часть того, что я собрал в хрониках Великой Британии, в указах парламента, который часто говорит о наших привилегиях, а также в живых традициях английского народа, в котором наше общество развивалось с XI века.

Во времена крестовых походов в Палестине объединились многие правители, аристократы и свободные граждане, дав слово посвятить свои силы восстановлению христианского Храма на святой земле, возвращению священного здания к его истокам. Они условились о некоторых древних знаках и символических словах, взяв их из глубин религии, для того чтобы узнавать друг друга среди язычников и сарацин. Эти знаки и слова сообщались только тем, кто обещал торжественно, а иной раз даже у подножия алтаря, никогда их не открывать. То священное обещание было не отвратительной клятвой, как подчас считается, но почетными узами, соединявших христиан всех национальностей в одном братстве. Некоторое время спустя наш орден образовал тесный союз с рыцарями св. Иоанна Иерусалимского. С этого времени наши ложи стали называться ложами св. Иоанна. Этот союз был создан по примеру евреев, когда они воздвигли Второй Храм, в одной руке держа мастерок и ступку, а в другой – щит и меч.

Поэтому наш орден следует воспринимать не как воскрешение вакханалий, но как братство, основанное в глубокой древности и обновленное в Святой земле нашими предками, желавшими воскресить память о возвышеннейших истинах в гуще стремлений к удовольствиям, что правили обществом. Короли, принцы, лорды возвращались из Палестины в свои земли и открывали там различные ложи. Во время последнего крестового похода немало лож было открыто в Германии, Италии, Испании, Франции, а через Францию – и в Шотландии, из-за тесной связи между французами и шотландцами. Лорд Джеймс Стюарт Шотландский был Великим мастером ложи, основанной в Килвиннинге на западе Шотландии в 1296 году, вскоре после смерти короля Шотландии Александра III, и за год до того, как взошел на престол Джон Бэлиол. Этот лорд принял в свою масонскую ложу ярлов Глочестера и Ульстера, т. е. англичанина и ирландца.

Но постепенно во многих местах нашими ложами и ритуалами стали пренебрегать. Вот почему из многих историков только историки Великобритании упоминают о нашем ордене. Но несмотря ни на что, он сохранил свое значение у тех шотландцев, кому короли Франции в течение столетий доверяли охрану своих персон.

После плачевных результатов крестовых походов, после поражения христианских армий и триумфа Бендокдара¹⁴, султана Египетского, во время 8-го, и последнего, похода, великий принц Эдвард, сын английского короля Генриха III, видя, что его собратьям уже не стало спокойствия в святой земле, из коей удалялись христианские военные отряды, отвел их обратно на родину, и эта братская колония обосновалась в Англии. Принц, наделенный всеми качествами героя, любивший изящные искусства, объявил себя покровителем нашего ордена, добавил к нему новые привилегии, а затем члены братства взяли себе имя «франкмасоны», по примеру своих предков.

С этого-то времени Великобритания и стала оплотом нашего ордена, хранительницей наших законов, сокровищницей наших таинств. Трагические религиозные распри, которые будоражили и терзали Европу в XVI в., стали причиной утраты нашим орденом благородства своего происхождения. Многие наши ритуалы и обычаи, противные предрассудкам эпохи, были изменены, затушеваны, подавлены. Именно по этой причине многие братья забыли, подобно древним евреям, дух наших законов, сохранив только букву и внешний слой. Начало выздоровлению уже было положено. Надо лишь продолжить его, чтобы в конце концов все пришло к своему изначальному положению. Эта работа не может быть трудной в государстве, в котором религия и правительство могут только приветствовать наши законоположения.

Пришедшее из Британских островов королевское искусство теперь распространяется во Франции, находящейся под властью самого дружелюбного из королей, чья человечность оживляет все его достоинства, и управляемой Наставником¹⁵, который воплотил на деле все то, что только можно себе представить. В этот счастливый век, когда любовь к миру возобладала в сердцах героев, эта нация [Франция], одна из самых духовных в Европе, станет центром ордена. Она окружит нашу работу, наши статуты и наши обычаи грацией, утонченностью и хорошим вкусом – важными качествами ордена, основа которого состоит в мудрости, силе и красоте гения. В будущем в наших ложах, словно в общественных школах, французы станут изучать, не пускаясь в путешествия, характеры всех народов, и люди из других стран поймут, что Франция есть дом всех народов. *Patria gentis humanae*¹⁶».

Как можно видеть, эта небольшая, но искусно выстроенная речь распадается на две взаимосвязанные части. Структура первой из них, по своему духу органично вписывающейся в идеалы Просвещения, определяется необходимостью представить основные черты масонского характера. Рамсей видит эти качества в «гуманности, высокой нравственности, умении хранить тайну и вкусе к изящным искусствам».

Наш оратор противопоставляет понятие «гуманности» попыткам законодателей вроде Ликурга и Нумы построить справедливое и долговечное общество. Этим попыткам не удалось воплотиться в жизнь в

силу того, что они зиждились на неверных основаниях. Им не хватало «гуманности». Хотя Рамсей не дает определение гуманности, из текста явствует, что она предполагает в качестве своего основания филантропию (в смысле взаимовыручки) и патриотизм, стирающий национальные и государственные границы. Шевалье подчеркивает важность добродетели, религии и науки, с помощью которых только и можно объединить в единое целое людей, обладающих «просвещенным сознанием, утонченными манерами и проницательностью». Рамсей говорит о новом, идеальном народе, живущем на основе совершенных масонских принципов. Этот новый народ будет жить в условиях всемирной «республики»; упоминание вскользь об экстратерриториальной республике выглядит по меньшей мере провокационно, если помнить, в какое время и в какой стране звучала эта речь. Вряд ли французскому монарху, при всех реверансах Рамсея в его адрес, понравились такие слова (а есть основания считать, что данный текст был ему известен).

Под «высокой нравственностью» шевалье понимает «отзывчивость», законопослушность и лояльность к государству, благочестивость, доброту. Правда, Рамсей оговаривается, что эти «гражданские достоинства» не составляют всего предмета масонства. Оратор излагает традиционную иерархическую структуру масонской ложи (ученики – «товарищи» – мастера): однако каждая из этих ступеней изучает особые достоинства – нравственные, «доблестные» (рыцарские) и христианские соответственно. Рамсей подчеркивает, что «философия» ордена привлекательна для его членов еще и тем, что она дает им возможность сочетать свои занятия с «невинными удовольствиями», приятной музыкой, умеренной веселостью. На масонских «симпозиумах», то есть пиршествах, ведется беседа о вещах, просвещающих душу.

«Умение хранить тайну» несколько выпадает из просвещенческого ансамбля достоинств, описываемых Рамсеем. Включение этого достоинства в общий список – дань тем временам, когда высочайшая ценность истинного познания подчеркивалась требованием его сокрытости от непосвященных. Уже одно это качество, собственно, делает орден эзотерической организацией. Оно имеет две стороны. Во-первых, под умением хранить тайну подразумевается особая система опознавательных знаков, особый язык, понятный только членам ордена. Во-вторых, это умение предполагает и сам факт неразглашения масонских секретов. Впрочем, у Рамсея молчание становится не только препятствием, через которое не могут пробиться «эзотерики», но и воспитательным средством, облагораживающим душу масона. Среди эффективных мер, налагаемых на излишне разговорчивых собратьев, называются стыд и совесть; эта психологическая мера позволяет ордену ослабить внешний контроль за поведением его членов, поскольку надзирающая инстанция помещается в сами их души. Нравственные терзания разглашающих тайны ордена должны только усугубляться после внешнего исключения из него.

Впрочем, при всей своей «закрытости» масонство парадоксальным образом оказывается и открытой системой: двери его лож открыты для всех искренних и благочестивых искателей-мужчин. Акцент на «мужскости» масонства делается неспроста. Рамсей вынужден снова обращаться к традиционному вопросу о том, почему в ложи не принимают женщин. Он специально оговаривает, что женщины способны хранить тайну ничуть не хуже мужчин. Однако масонство, как движение, восходящее к древнейшим мистериям, должно всячески блюсти чистоту нравов. Языческие мистериальные общества, по его версии, разложились именно из-за того, что на ночные собрания допускались женщины, которые волновали мужчин и тем самым вместо возвышенных настроений создавали атмосферу страсти. В силу этого в масонские ложи женщины не принимаются, однако это, конечно, не означает, что им не оказывают должного уважения за пределами лож.

Последнее качество – «вкус к полезным наукам и свободным искусствам» (некоторое расширение понятия «изящных искусств», упомянутого выше) – есть нечто большее, чем может показаться на первый взгляд. Оно переносит дух масонства из ремесленных лож-мастерских в элегантные французские и английские салоны, поскольку представить себе профессионального ремесленника-каменщика, увлекающегося живописью и музицирующего на клавесине, довольно трудно. Кто, кроме знати, способен взрастить и углубить этот самый «вкус»? Подчеркивание этого качества в «Речи», думается, преследует две цели. Во-первых, Рамсей призывает всех собратьев объединить свои усилия в деле создания некоего «Универсального словаря свободных искусств и полезных наук», куда должны войти полезные для человечества сведения. Это загадочное издание, по-видимому, так и не было осуществлено¹⁷ – вероятно, еще и потому, что аналогичная работа началась во Франции, приведя к появлению знаменитой «Энциклопедии». Во-вторых, и это более существенно, Рамсей незаметно внушает слушателям мысль о том, что именно наделенные таким «вкусом» (а это в первую очередь аристократы) придали подлинный характер масонству, если не создали его. Дальнейшему развитию данной идеи посвящена вторая часть речи Рамсея.

Подготовив сознание слушателей фразами о возвышенных качествах масонов, Рамсей делает последующей темой своего выступления генезис благородного ордена. Он приводит разные версии происхождения масонства, ни одну из них не разделяя и относясь к ним с легким скепсисом. Конечно, в древности происхождения ордена Рамсей не сомневается. Однако его больше интересуют не вероятные истоки масонства, сколько то, какую форму оно приняло в результате своего «обновления».

Безусловно, эта вторая часть «Речи» выглядит несколько фантастично, однако если мы вспомним о том, какие вообще персонажи фигурировали в различных списках родоначальников масонского ордена,

в частности, у того же Андерсона, представление о зарождении (точнее, восстановлении) масонства усилиями европейского рыцарства не покажется на этом фоне чересчур диким. Любопытно, что сведения о генезисе масонства, которые Рамсей использует в своей речи, почерпнуты им из английских источников – хроник, указов, преданий, и даже указывается точная дата происхождения масонства «из живых традиций» английского народа – XI век. По мнению Рамсея, орден масонов был «обновлен» в Палестине аристократами-крестоносцами, мечтавшими о возвращении христианскому миру святынь Иерусалима. Крестоносцы для сообщения друг с другом установили специальные опознавательные знаки. Примечательно, что образование масонского ордена произошло вне рамок уже функционировавших рыцарских орденов, и только позже он якобы соединился с орденом св. Иоанна Иерусалимского (госпитальеры)¹⁸. Поскольку же современниками госпитальеров были легендарные тамплиеры, то по естественной склонности человеческого сознания к разного рода ассоциативным связям вскоре к ним был перекинут мостик; в конце концов рыцари-храмовники совершенно «вытеснили» своих конкурентов. И это было сделано тем более легко, что давно уже не осталось в живых тех, кто мог бы оспорить данную версию, в отличие от наследников рыцарей св. Иоанна. Правда, «тамплиерская» составляющая в масонско-рыцарских сказаниях была привнесена уже позже Рамсея (одним из первых был немецкий масон К. Г. фон Гунд, создатель системы «Строгое послушание»).

Современное же английское масонство Рамсей считает наследником этих крестоносных институций. Но не останавливаясь на этом, он делает реверанс в сторону французской монархии, надеясь на покровительство короля новым – а в реальности хорошо забытым старым – идеям и практикам. Вряд ли такие экивоки могли прийтись по вкусу английской правящей династии.

Обращает на себя внимание по-настоящему программный характер этой речи. Ее можно воспринимать как своеобразный масонский «символ веры», описывающий основные положения учения вольных каменщиков¹⁹. Однако вряд ли сам Рамсей адресовал ее в первую очередь собранию, перед которым выступал. Думается, его собратья по ложе и так были прекрасно наслышаны о высокой нравственности, гуманности, благородстве масонского духа, к которому сами они искренне стремились. Вполне возможно, что многие из них задолго до этой речи знали также и рамсеевскую версию происхождения масонских лож, а то и были ее разработчиками. Но на самом деле подлинного адресата речения Рамсея не слишком трудно найти. 20 марта 1737 г. шотландский баронет отправил очень примечательное послание могущественному французскому кардиналу Флери. В этом письме он обращается к кардиналу за поддержкой, сравнивает его с кардиналом Ришелье, который поддержал установление Французской академии наук, более того, льстиво

возвышает его над предшественником, указывая, что покровительство обществу, ставящему цель объединение всех наций – явно более благородная задача. В том же письме Рамсей сообщает, что уже на следующий день он произнесет речь в большом собрании, причем эта речь будет послана им, Рамсеем, самому Флэри и его помощникам-цензорам. Таким образом, мы видим, насколько важна была для масонского оратора персона французского первосвященника. Вероятно, в глазах Рамсея и его сторонников именно Флэри как главное официальное лицо, отвечавшее за идеологию государства, мог укрепить позиции масонства. Версия католического «восстановления» масонства на Ближнем Востоке, несомненно, разрабатывалась в расчете на доброжелательную реакцию кардинала.

Однако масонское собрание разочаровало кардинала. Об этом молниеносно стало известно Рамсею, который на следующий же день (!) после своего выступления пишет вторичное письмо кардиналу, выражая сожаление по поводу такой реакции, и в то же время – надежду на то, что при личной встрече истина будет им понята и все встанет на свои места. Масонство должно оказаться полезным для религии, политики и литературы, указывает Рамсей в своем письме. Он просит кардинала назначить ему аудиенцию, чтобы все можно было объяснить на словах, а также спрашивает у него разрешения вновь присоединиться к собранию масонов. По всей видимости, недовольство высшего религиозного сановника Рамсей воспринял как запрет на свою масонскую деятельность.

На обороте этого рамсеева письма Флэри отметил: «Король не хочет». То ли монарх не желал видеть Рамсея в рядах масонства, то ли он не хотел допускать встречу кардинала с Рамсеем, то ли, что более вероятно, не хотел позволить масонству укреплять свое влияние и воздействовать на государственную политику, неясно, однако после этой односторонней переписки Рамсей стремительно исчезает из масонской истории.

Трудно сказать, собственными ли были воззрения о «восстановлении» масонства на Востоке у Рамсея, либо он почерпнул их от кого-то другого. Возможно, он выражал некое общее настроение, какие-то идеи, носившиеся в воздухе²⁰. Допустимо считать, что в лице Рамсея мы видим выразителя тех новых взглядов, которые шли вразрез с «магистральной» английской масонской линией. Отнюдь не случайно, что эти взгляды формировались и развивались именно во Франции – благодатной почве для роста всего «неанглийского». По всей видимости, в развивавшемся французском масонстве имела место неудовлетворенность излишне «простым», трехстепенным английским масонством, направленным на этическое совершенствование и прочно связанным с масонами-ремесленниками. Французские аристократы, массами стекавшиеся в масонские ложи, привносили в них свою элитарную субкультуру²¹. Понятно, что они были заинтересованы в «облагораживании» и истоков масонства, максимально отстраняя от них «плебейскую» часть вольных

каменщиков: масоны-аристократы хотели, чтобы первоначально масонства также были аристократическими²².

Нельзя также сбрасывать со счетов и политические тенденции, потому что во Франции обретались многочисленные сторонники свергнутой английской династии Стюартов²³. Вспомним, что какое-то время Рамсей подвизался в качестве воспитателя сыновей Иакова Эдуарда Стюарта. Многие факты говорят о том, что по своим политическим взглядам Рамсей был якобитом и поэтому вполне мог сочувствовать попыткам Стюартов вернуть утраченную власть²⁴. Примечательно, что Карл Эдуард Стюарт, основной претендент на английскую корону в середине 1740-х гг., очень живо интересовался масонством и даже, по некоторым версиям, возглавлял одну из лож.

Но вряд ли сам шевалье Рамсей стремился к утверждению «нового масонства» и вряд ли он выступал орудием оставшихся в тени политических сил, которые им манипулировали в собственных интересах. Он показывает себя скорее пылким идеалистом, беззаветно, искренне верящим в проповедуемые им идеи²⁵. Да и выступать против Англии (а именно как «исправление» английского масонства расценивалось позже шотландское масонство) вряд ли мог человек, столь многим обязанный этой стране. Шотландский баронет воспламенялся идеей всемирного братства высоконравственных людей, продолжая тем самым интенции Великой английской ложи. Последствия, к которым привела эта идея, оказались, наверное, неожиданными для него же самого.

Скорее всего, Рамсей видел свою миссию в укреплении масонства на территории Франции. Сам масонский орден (в новом варианте) возник не так давно, хотя и успел распространиться достаточно широко, в различных странах – в том числе и в России. Однако его идеологические приоритеты были не совсем понятны тем, кто управлял землями, на которых развивалось масонство. Стремление же к таинственности собраний и ритуалов только укрепляло подозрительность правителей по отношению к нему, создавало в обществе основу для антимасонских предрассудков, мифологем и стереотипов. Сталкиваясь с такого рода непониманием, масоны видели выход из положения в том, чтобы стать «прозрачными» для правящей элиты страны, а также, на следующих этапах развития организации – и объектом государственного покровительства.

Далее, ни Рамсей, ни его соратники еще не делали акцент на тайнознании, на мистицизме, столь развитом в позднейшем масонстве. Однако некоторые пассажи в «Речи» могут быть истолкованы именно в этом ключе. В частности, его призыв к сотрудничеству братьев в рамках «Универсального Словаря свободных искусств и полезных наук», проекта, якобы начатого в Лондоне и предвосхитившего французскую Энциклопедию, обозначил интерес к проблеме *знания* как такового, а следовательно, и знания различных «тайн природы».

Речь Рамсея, обращенная как к братьям по ложе, так и к власти имущим, стала широко известна в масонской среде и впоследствии неоднократно воспроизводилась в различных списках и изданиях. Как отнеслись к ней французские власти, уже показывалось выше. Куда решительнее повели себя итальянские католические консерваторы. Благодаря их давлению, «Речь» Рамсея была публично сожжена в Риме в 1738 г. после выхода антимасонской буллы папы Римского Климента XII²⁶. По всей видимости, организаторы сожжения рассматривали данный документ как весьма важный и опасный, если поспешили приговорить его к «смерти» – что, впрочем, только способствовало росту его популярности у масонов²⁷.

Быстрое и неожиданное исчезновение шотландского баронета из масонской истории, прекращение его активного участия в масонских делах может означать лишь то, что сам он ставил свой католицизм все-таки выше верности масонской ложе. Однако уход Рамсея в тень за несколько лет до смерти на самом деле не слишком взволновал масонскую общественность: этот гений одной речи все сказал своим выступлением, уступив дорогу тем силам, которые очень скоро, уже через два-три года, разовьют его взгляды в нужном для себя направлении, в сущности, направив масонство по совершенно иному руслу. Но это совсем другая история.

10. 11. 2005

Summary. Chevalier Andrew Michael Ramsay (1686 – 1743), a writer and a tutor of sons from noble families, is one of the main persons in the history of early Freemasonry. The legend about a connection Masonry with crusaders is connected with him. The most important event in Ramsay's masonic life is the famous "Oration", recited by him in 1737 before his mason-fellows. This "Oration" is translated into Russian and commented in our article. Ramsay dreamed to consolidate the Order of Freemasons in France and tried to contact with influential French persons. He was the representative of aristocratic circles of Great Britain and France, mainly of supporters of overthrown Stuart dynasty. These masons-aristocrats wanted to change the "simple" Masonry, what was developed in England from 1717. Though Ramsay wasn't a man who had established so-called Scottish Masonry, he gave an impulse to the development of "high grades" and mystical tendencies in Masonry of the second half of 18th century.

---

¹ В русскоязычной литературе можно встретить различное написание фамилии (Рэмси, Рамзай, Рамзей, Рамзэ и др.) и имен (Андрей Михаил, Эндрю Майкл) этого человека. Мы принимаем наиболее часто встречающееся написание.

² В кругах масонов бытует устойчивое мнение, что «шотландское масонство» создал сам Рамсей, однако это не так. Процесс создания высоких степеней

продолжался не один год, в нем участвовали разные люди. См.: *Морамарко М.* Массонство в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 165.

³ По другим версиям – в таверне «Гусь и противень».

⁴ По поводу даты рождения Рамсея существуют расхождения. Так, Р. Ф. Гульд склонен датировать его рождение 1680 – 1681 гг. См.: *Gould R. F.* The History of Freemasonry. In 7 vols. Vol. V. London, s. a. P. 80.

⁵ Автор одной из статей о Рамсее пишет, что он «...был человеком непостоянным. Он был квакером, анабаптистом, пресвитерианцем, католиком, квиетистом». См.: *Dictionnaire de la Franc-maçonnerie.* Ed. par D. Ligou. Paris, 1987. P. 985.

⁶ Ср.: «Благодаря громадному влиянию, которое Фенелон оказал на Рамсея, он косвенно стал одним из духовных отцов масонства, называемого шотландским по происхождению, но которое можно с таким же успехом определить как французское в теоретическом плане». – *Нодон П.* Массонство. Пер. с франц. М., 2004. С. 71.

⁷ *Gould R. F.* Op. cit. P. 82.

⁸ *Gould R. F.* Op. cit. P. 84 – 89.

⁹ «Мы обещали быть верными, почитать святость дружбы, любить добродетель, а не награду» (*лат.*).

¹⁰ Пиршествам (*лат.*).

¹¹ О, пир, достойный богов...

Наш разговора предмет – не дома и не земли чужие...

... но то, что нужнее, что вредно не знать человеку.

Судим: богатство ли делает счастливым иль добродетель;

Выгоды или наклонности к дружбе вернее приводят;

Или в чем свойство добра и в чем высочайшее благо?

(*Гораций.* Сатиры II. 6. 65 сл. Пер. М. Дмитриева).

Примечательно, что Рамсей, цитируя Горация, заменяет слово *villis* («домá») словом *regnis* («власть»), как бы подчеркивая, что разговоры о политике «не способны просветить душу».

¹² Но есть награда также хранителям

И тайн. И если кто Элевзинские

Нарушит тайны, то я его

Не потерплю под одною кровлей.

Иль в том же челне... (*Гораций.* Песни III. 2. 25 сл. Пер. А. П. Семенова Тянь-Шанского).

¹³ По мнению Гульда (*Gould R. F.* Op. cit. P. 87), подобное исключение Рамсеем теологии и политики намеренно выводило масонство из-под обвинений в иезуитизме и религиозном политиканстве.

¹⁴ Он же Бейбарс I (1260 – 1277), один из видных султанов-мамлюков Египта, династия Бахри.

¹⁵ Подразумевается кардинал Флери.

¹⁶ Отчизна рода человеческого (*лат.*).

¹⁷ Впрочем, есть и иная точка зрения: *Морамарко М.* Ук. соч. С. 170.

¹⁸ К слову сказать, госпитальеры XVIII в. (мальтийские рыцари) отрицали эту версию своей генетической связи со средневековым масонством.

¹⁹ По словам Поля Нодона, Рамсей «дал масонству настоящую хартию и общий свод законов и действий». – *Нодон П.* Ук. соч. М., 2004. С. 71.

²⁰ По мнению одного из историков масонства, «средой, в которой мысль о связи масонства с крестоносцами нашла себе благоприятную почву, было шотландское, ирландское и английское дворянство, окружавшее двор Иакова II в Париже, и,

---

позднее, двор «Иакова III» в Риме». – *Херасков И. М.* Происхождение масонства и его развитие в Англии XVIII и XIX в. // *Тайные ордена: Масоны.* Сост. А. Н. Гопаченко. Харьков – Киев – Ростов н/Д, 1997. С. 41. Как считает И. Г. Финдель, «план обогащения масонства новыми рыцарскими степенями» был изобретен самим Рамсеем, а именно тогда, когда он был воспитателем Карла Эдуарда Стюарта, будущего претендента на английский престол. См.: *Финдель И. Г.* История франкмасонства (от его возникновения до настоящего времени). Пер. с нем. СПб., 1872. Т. I. С. 185. Впрочем, еще в первом варианте своей «Книги конституций» (за 16 лет до «Речи») Дж. Андерсон выражал догадку о том, что средневековые рыцари могли быть членами масонского ордена.

²¹ Ср.: «Внешними формами масонства скоро пресытились, не поняв и не разгадав его глубокого содержания и сущности; французская суетность и пристрастие к церемониям, лентам и т. п. внешностям заинтересовалась тотчас же одною только скорлупой масонства. Поэтому нововедениям было легко привиться». – *Финдель И. Г.* Ук. соч. Т. I. С. 183.

²² По словам М. Морамарко, увлеченность рыцарской традицией позволила французской аристократии выйти из «кризиса идентичности» и обратить свои взоры на движение вольных каменщиков. – *Морамарко М.* Ук. соч. С. 171.

²³ Примечательно, что многие ранние французские масоны были сторонниками династии Стюартов (*Gould R. F.* Op. cit. P. 77), а один из ранних лидеров французского масонства, Чарльз Рэдклифф (граф Дервентуотер), участвовал в 1745 г. в неудачном походе Карла Эдуарда Стюарта, и был впоследствии казнен. Рэдклифф руководил той ложей, в которой была произнесена «Речь», и с Рамсеем его связывали самые дружеские отношения. Ч. У. Гекертон прямо говорит о том, что «масонство ввели во Франции приверженцы Иакова Претендента как средство восстановить династию Стюартов на английском престоле». – *Гекертон Ч. У.* Тайные общества всех веков и всех стран. Пер. с англ. М., 1993. Ч. I. С. 191. См. также: *Васютинский А. М.* Французское масонство в XVIII в. // *Масонство в его прошлом и настоящем.* Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. В 2-х тт. М., 1914. С. 35.

²⁴ Д. Э. Харитонович видит в «Речи» политическую подоплеку и полагает, что настойчивое подчеркивание Рамсеем крестовых походов готовило идеологическую почву для последующей военной экспедиции Стюартов в Шотландию. – *Харитонович Д. Э.* Масонство. М., 2001. С. 55 – 56. Но другие историки отвергают политический подтекст в деятельности Рамсея. См.: *Шустер Г.* Тайные общества, союзы и ордена. Пер. с нем. СПб., 1905. Т. 2. С. 14; *Could R. F.* Op. cit. P. 82.

²⁵ *Морамарко М.* Ук. соч. С. 170.

²⁶ Некоторые историки масонства отрицают факт такого сожжения (*Gould R. F.* Op. cit. P. 90).

²⁷ Во Франции известие о папской булле не оказало почти никакого эффекта.